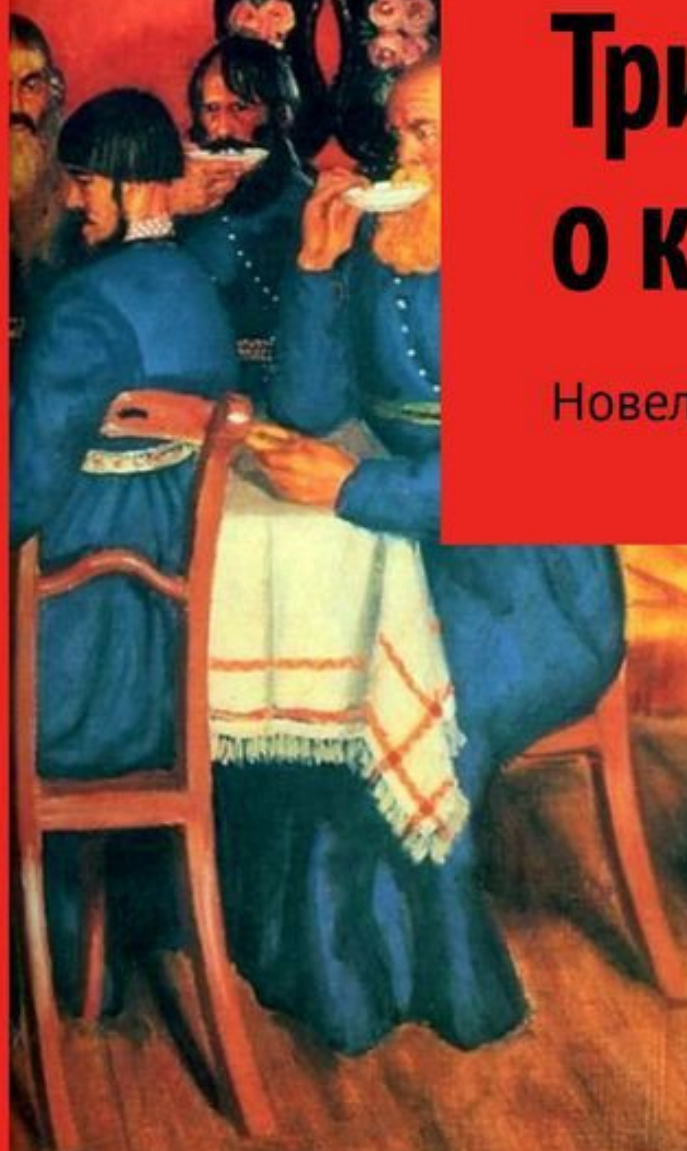

18+

Игорь Шиповских

Три сказки о купцах

Новелла-сказка

Игорь ШИПОВСКИХ

**Три сказки о купцах.
Новелла-сказка**

«Издательские решения»

Шиповских И. Д.

Три сказки о купцах. Новелла-сказка / И. Д. Шиповских —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983334-1

Сказки о купеческой хватке и надменности, о самонадеянности и снисходительности, и конечно о любви, которая не выбирает ни время, ни человека, она просто возникает, и ничего уже с ней не поделать. А действие этих вполне поучительных историй происходит в нашем царстве-государстве в давние добрые времена, когда купечество жило и процветало, а оттого порядок жизни на свой лад меняло. Но случилось и так, что у купцов всё шло, не очень хорошо, иначе говоря, купец предполагает, а жизнь располагает...

ISBN 978-5-44-983334-1

© Шиповских И. Д.
© Издательские решения

Содержание

Сказка о зависти купецкой и нежданной любви молодецкой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Три сказки о купцах

Новелла-сказка

Игорь Дасиевич Шиповских

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2020

ISBN 978-5-4498-3334-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о зависти купецкой и неожиданной любви молодецкой

1

В одном небольшом, но весьма уютном губернском городке N-ске, рядом с центральной ярмарочной площадью, в добротных и ухоженных домах жили два соседа купца хватких молодца. Однако сразу стоит заметить, что из них двоих всего лишь один был молодец, а вот второй скорее являлся его подобием, потому как ни возрастом, ни комплекцией не годился для столь лестного звания – молодец. Кстати о званиях и именах; первого купца, что был помоложе и попроворней, звали Игнат с дивным прозвищем «Скоробогат».

Ну а второго купца, вечного конкурента и соперника Игната, кликали старинным именем Скаврний, отчего все местные мальчишки дразнили его «сковородой», хотя на самом деле его имя происходило от польского нарицательного «skowron», что означает «жаворонок». Правда, сам Скаврний на птичку вовсе не походил, и даже наоборот был настолько полнотел и пышен, что больше напоминал переевшего малины медведя, чем порхающую птаху.

Зато Игнат Скоробогат был его абсолютной противоположностью; ростом высок, фигурой статен, всегда подтянут и одет по последней европейской моде. Он даже как-то однажды, а именно в 1889-ом году, самолично и по случаю побывал на всемирной выставке в Париже. Вот оттуда-то он и подхватил эту привычку форсить в изысканных нарядах. Впрочем, Игнат и по возрасту больше подходил для этого, ведь он был моложе своего соперника Скаврния лет этак на пятнадцать. А по годам как раз соответствовал младшей сестре Скаврния, юной, но уже чуть перезревшей для замужества Пелагеи.

И вот эта лёгкая «чуть перезрелость» постоянно нагоняла на Пелагею смертную тоску, отчего в животе у неё начинало сильно урчать, и моментально просыпался зверский аппетит, который можно было унять лишь изрядной порцией пирожных с кремом. Ну а в результате, к своим девятнадцати с половиной годам Пелагея имела совершенно необъятную талию и невозможно округлую фигуру. Такую, что сразу было трудно определить какого она пола, не то женского, не то мужского, уж настолько она была грузна и тучна. Притом внешне Пелагея так походила на своего старшего брата, что их нередко путали. И это впрочем, немудрено, ведь оба полнотелы, роста ниже среднего, на лицо почти одинаковы, да и говор схож. В общем, если бы не разница в возрасте, то их запросто можно было спутать с близнецами.

А вот Игнат, в отличие от них, родственников не имел; ни братьев, ни сестёр у него не водилось, и даже родителей не было. Хотя вернее будет сказать, что они всё же были, но только Игнат их давно уже определил в казённый «Попечительский дом» и держал над ними опеку. Так что жил он один в купеческих хоромы и вёл дела самостоятельно. Но что ещё интересно, он даже и не собирался обзаводиться семьёй.

– Ну, зачем мне жена, или допустим дети?... что проку в них?... Это ж какие расходы!... Да мне никаких денег не хватит содержать какую-нибудь капризную бабёнку, да ещё и с малолетними отпрысками, пусть даже они и были бы от меня!... Нет, мне лишних ртов в доме не надо!... Лучше уж я деньги в оборот пушу, иль наряды себе куплю, и то пользы больше будет!... – чуть ли не каждый день говаривал он своим друзьям-сотоварищам, кои всё намеривались его сосватать, ведь сами-то они давно уже были женаты и теперь всю завидовали холостяцкой жизни Игната.

2

А меж тем Игнат так и делал, как говорил – пускал свободные деньги в оборот и одевался как заправский европейский фронт. Отчего у местных девиц на выданье снискал восторженное почитание и даже некоторую влюблённость. Бывало нарядиться он во всё модное; приоденет

твидовый сюртук, шёлковую манишку, узкие брюки из чёрного кастора, обувь на каблуках, возьмёт трость с позолоченным набалдашником и давай по центральным улицам фланировать да юным девам ради смеха воздушные поцелуйчики с подмигиванием посылат.

Ну а юные девы-то с его поцелуйчиков, как зайдутся, зардеются, засмушаются. Раскраснеются все, раздумянутся, аки яблочки спелые, и тут же начнут томно вздыхать да сердечными муками исходить. Ну, так ещё бы, ведь этакий красавец на них внимание обратил. А Игнату от этого только веселье да забава, серьёзных-то намерений на женитьбу у него нет, вот он и развлекается, потешается. И надо же такому быть, доразвлекался. Как-то однажды не в ту сторону воздушный поцелуйчик послал.

Хотел в дочку молокозаводчика попасть, а угодил в её подругу, в сестру Скаврония – Пелагею. Подружки как раз вместе возле ярмарочного балагана стояли да мирно скоморохов обсуждали. А Игнат мимо проходил. Он на Пелагею-то даже и не взглянул, ну стоит себе шар в ситцевом сарафане, ну и пусть себе стоит. А вот дочка заводчика хороша, да и для лета одета по последней моде; в батист и шёлка. Игнат ей-то поцелуйчик и послал, да ещё и хитро подмигнул. Но вот же незадача, в этот самый момент Пелагея обернулась, да дочку заводчика собой закрыла, и все Игнатовы знаки внимания на себя приняла.

Разумеется, в голове у неё от такого вмиг всё перемешалось. Она сразу и забыла, о чём только что с подругой говорила. Так и стоит вполоборота, и от изумления аж рот раскрыла. Ну а как же иначе, ведь всем известный красавчик ей воздушный поцелуйчик отправил, да ещё и подмигнул, а это знаете ли большой намёк на амурные обстоятельства. Но Игнат думал подругому, он и вида не подал, что адресом ошибся. Так дальше и пошёл. Ни капельки не стусевался, охальник. Как ни в чём не бывало, мимо проследовал. А через минуту уже и забыл про этот конфуз.

Однако Пелагея не забыла, уж она-то стусевалась сверх всякой меры, с ног до головы пунцовыми пятнами покрылась, да в придачу ещё и голос потеряла. Вроде сказать чего-то хочет, а не получается. Стоит как вкопанная, и словно индюк что-то невнятное горлом клокочет. Побулькала так немного, да как домой кинется. Аж ветер от неё поднялся, всю придорожную пыль столбом закрутил. Прибежала Пелагея домой, к себе в светёлку вкатилась, у зеркала остановилась, смотрит в него и осознать всё случившееся пытается.

– Нечто это он и вправду мне подмигнул да поцелуйчик послал!?!... Это что же получается, ... никак я красавица!... А почему бы и нет, ... вон какие у меня щёки круглые, ... и бока покатые, ... а уж рот-то какой большой, ... да и губы немаленькие, пухлые прям как вареники!... Вот только глаза мелковаты, ... но это ничего, я ресницы угольком подкрашу, брови подведу, вмиг лучше всех стану, ... и красавца Игнашу себе заполучу, ... точно мой будет!... Ох, чует моё сердце, по нраву я ему!... – вдруг пришла к столь неожиданному выводу Пелагея и сходу взялась о свадьбе мечтать. Что собственно и неудивительно, ведь о таком замужестве мечтали многие девицы в городке.

3

И вот с того дня стала Пелагея за Игнатом следить. Не то чтобы совсем уж проходу не давала и особо докучала, но некоторых хлопот всё же доставляла. Подойдёт к Игнатовой торговой лавке и ну возле крыльца топтаться. Однако торговать не мешала, тихо наблюдала. А торговал Игнаша разным текстилем; сукном, пряжей, шерстяным полотном, парчой, кумачом, да много чем ещё таким, отчего у местных домохозяек появлялся интерес в его лавку заходить. Да вот хотя бы за бижутерией; всякими безделушками, забавными висюльками-побрякушками, или капорами-шляпками с ажурными лентами. В общем, всё по женской части.

И кстати, в этом у Игната с братом Пелагеи, Скавронием, была огромная схожесть. Тот точно такой же товар держал, потому-то они и считались конкурентами-соперниками. Впрочем, пытались они как-то договориться, чтоб у них товар не пересекался, да только из этого ничего не вышло. Хитрили оба, жулили изрядно, друг дружку обмануть норовили, на том

и погорели. А отсюда и обоюдная неприязнь возросла. Ну а если честно, то Игнаша сильно завидовал Скавронию, ведь у того и лавка побольше, и продавец половчее, да и приказчик порасторопней.

А у Игната хоть и товар получше, и всего привозного, заграничного много, но лавка потеснее, и прислуга поглупее, а другой и взять-то негде, городок-то маленький, все умные слуги нарасхват, оттого-то Игнат и этому был очень рад. Однако при появлении в его лавке Пелагеи, сестры своего заклятого соперника, он сильно изумился. Что вполне оправдано, ведь у Скаврония всякого товара имелось в достатке, и почему бы Пелагее у своего брата не отовариваться, как это было и раньше. Впрочем, Игнат, как всегда сохранил самообладание и обратился к неожиданной гостье учтиво и по отчеству.

– Здравствуйте, Пелагея Марковна,... чего изволите?... сукна или бархата?... а может шёлка китайского?... У нас всё есть,... недавно свежий завоз был... – слегка иронично спросил он и даже мягко улыбнулся.

– Доброго здоровьечка, Игнат Карлович,... ну что же вы так распинаетесь-то?... уж этого-то добра и у нас в лавке навалом!... Я к вам по другой надобности пришла,... слыхала я, вы в самом Париже бывали,... много чего видали,... с тамошними дамочками беседу вели,... обозревали, как они одеваются,... какие шляпки носят!... Вот я и хотела у вас поспрашивать какие мне лучше наряды носить, чтоб по ихней Парижской моде быть... – залившись вся пунцом, слегка жеманно переспросила Пелагея.

– Ах, так вот в чём ваш интерес!... Ну, тогда давайте я вам всё вкратце и поясню,... вот вы видите какие у меня меж прилавками расстояния узкие,... совсем мизерные!... Так вот когда вы по ним свободно проходить будете,... не задевая края,... тогда и милости прошу, пожалуйста ко мне за советами со всеми вашими вопросами о Парижской моде!... А пока покиньте помещение,... вы мне все прилавки загородили, и своими габаритами клиентов пугаете... – весьма запутано, но явно указывая на чрезмерную полноту Пелагии, дерзко ответил ей Игнат, на что сразу получил отпор.

– Так-так,... это что же получается,... вы мне на мой размер намекаете!?... Мол, я рылом не вышла для парижских нарядов,... дескать, я скула деревенская и ни к чему не гожусь!?... Нет, ну вы посмотрите на него люди добрые,... я к нему всей душой,... на разговор его приглашаю,... а он мне тут грубит!... Ах ты, зазнайка тощий!... Ах ты стручок сушёный!... Или ты думаешь, раз такой худой то тебе можно над полными издеваться!?... Ну, я тебе этого не прошу,... да я всем расскажу, что у тебя сукно прелое, шерсть гнилая, а шёлк твой китайский молью поеденный!... Да и вообще, пошёл ты к лешему, хмырь худосочный!... – мигом вскипев и перейдя на простонародное «ты», зло накричала на Игната Пелагея, и тут же выскочила из лавки прочь. Игнат от такого её экспромта, на пару со своим приказчиком Филимоном, вмиг смехом зашёлся. Стоят оба, ржут, словно кони стоялые и остановиться не могут.

А тем временем Пелагея еле-еле до дома добралась и опять у себя в светёлке заперлась. Плачет, слёзы горючие льёт. Да и как тут не плакать, ведь она уже до беспамяත්ства была влюблена в Игнашу, а он её на смех поднял, да ещё и при слуге. Ну и всё, девичье сердце разбито, и уже, казалось бы, не склеить никак, ан нет. Поплакала Пелагея немного, попечалилась да опять к зеркалу обратилась.

– Ну, вот за что он так со мной,... ведь сам же подмигивал, глазки строил, поцелульки посылал, улыбался!... Ах, и какая же у него улыбка,... прямо залюбуешься,... зубки белые, ровные,... губки алые, так на поцелуй и просятся,... а глаза какие у него голубые,... аки небеса, ... только взглянет и сразу сердце заходится,... уж такой раскрасавец!... Нет таких больше в целом свете,... он всех милее!... Да и правильно он говорит,... ишь какая я круглая,... на что я ему такая,... он вон какой стройный, хрупкий,... а я как прижму его к себе, так ещё невзначай и загублю!... Нет, прав Игнаша, касатик мой,... слишком уж я полна,... для него надо бы похудеть,... вот только поем сейчас немного оладушек с пирогами да сразу и худеть начну... –

как и все девицы в таких случаях рассудила Пелагея и пошла свою неудачу разными вкусо-стями заедать.

4

Меж тем Игнат, у себя в лавке, вместе с приказчиком вдоволь насмеявшись, успокоился, и решил снова делом заняться; кассу подсчитать да товар проверить, ведь в последнее время что-то плохо торговля пошла. Покупателей меньше стало, зайдут люди в лавку, товар посмотрят, покрутят, пощупают, цену спросят, потопчутся немножко и уходят несолоно нахлебавши. В общем, что-то непонятное творилось. Потому-то ревизию и устроили. Так до самого вечера и провозились, а продать ничего не продали. В окна на улицу смотрят, а там по площади людей немерено ходит, и все чего-то покупают, но только не у них.

И тогда отправился Игнаша на ярмарку меж рядов походить и поспрашивать, что там да как, выяснить наконец-то причину непродаж. Бродит по площади, на людей поглядывает, кто что покупает, да за какую цену. И тут видит из лавки Скаврония покупатели выходят, и не с пустыми руками, явно чего-то приобрели. Притом Игнат их сразу узнал, это его постоянные клиенты-оптовики, они к нему как раз недавно заходили, но ничего взяли, а тут вон как отоварились. Ну, Игнат к ним сразу с расспросами и кинулся.

– Эх, господа хорошие!... что же это вы у меня ничего не купили, а к моему конкуренту ушли!?!... иль я вас чем-то обидел?... может, взглянул хмуро?... а может, накричал напрасно?... Почему ж всё так вышло?... – эдак деликатно спрашивает их и вежливо улыбается, ответа честного ждёт, и конечно его получает.

– Да как тебе сказать Игнат,... брали мы всегда у тебя сукно да муар,... хорошо было, недорого,... всё устраивало!... А вот ныне у Скаврония взяли,... он нам и скидку сделал, и сукно на прочность проверил,... да ещё и чаем напоил, не обидел!... Так что ты не обессудь,... теперь мы к нему ходить будем,... сам понимаешь, коммерция!... – ответили ему оптовики и как отрезали, развернулись и дальше своей дорогой пошли, купленный товар к себе понесли. А Игнат стоит, словно оплеванный, и переваривает, что ему сказали.

– Это ж как такое получается!?!... Хитрец Скавроний моих клиентов к себе переманил,... уговор нарушил, снова за старое взялся, опять жулить начал!... Вон чаем их напоил, скидку сделал,... а я-то ничего не знаю,... всё думаю, мучаюсь, куда мой покупатель подевался, отчего торговли нет!?!... А тут вона что,... ах, и Скавроний,... вот-жешь старый чёрт!... Ну, я тебе сейчас устрою головомойку!... вот я из тебя дух вышибу!... – взъерепенился Игнат, и уже было собрался в лавку к Скавронию с кулаками кинуться, драку затеять, как видит из-за поворота на дорожку Пелагея выходит.

Вся такая румяная, свежая, отдохнувшая. А что же ей такой-то не быть, ведь она, наплакавшись, наелась оладий с пирожками да подремать успела. Вот выпалась, и теперь с хорошим настроением на вечернюю зорьку погулять собралась. А тут Игнаша ей навстречу. Но он как её увидел, так вмиг все свои планы поменял, ему сразу не до мордобоя стало. Развернулся он лихо да обратно в свою лавку поспешил.

– Эко меня угораздило на Пелагею нарваться,... ведь она ж опять приставать начнёт,... да ещё и припомнит, как я над ней подшутил!... Нет-нет, я уж потом всё Скавронию выскажу, а сейчас пока помолчу, да лучше свой товар уценю насколько можно, чтоб совсем не разориться!... – на бегу решил Игнаша, и как только к себе в лавку зашёл, так сходу начал цены на текстиль пересматривать. А приказчик Филимон рядом стоит, глазами хлопает, и разобрать ничего не может, удивляется, отчего это хозяин вдруг собрался товар дешевле продавать.

И его удивление вполне понятно, ведь он хоть и приказчик, но человек-то бывалый, уже в годах, полжизни в торговле провёл, и знает, что уценку просто так не делают. Значит, что-то случилось. А потому насмелился и спросил, отчего такие перемены. Ну, тут Игнат, конечно, всё ему и рассказал; и как он своих постоянных покупателей встретил, и что они ему сказали, и как их Скавроний к себе переманил, и как они от него отвернулись. Всё-всё доложил. Не забыл

и про Пелагею упомянуть, как она ему навстречу попала. На что многоопытный приказчик рассудил всё по-своему.

– Эх ты, Игнаша, ... всё-то ты торопишься, быстрее распродаться и обогатиться хочешь, ... стараешься поскорей конкурентов обойти да не остаться на мели, ... оттого-то тебя Скоробогатом и прозвали! ... Ну, вот зачем тебе цену на добротный товар скидывать!? ... ведь наверняка Скавроний им какую-нибудь залежавшуюся дрянь по дешёвке скинул! ... а ты уже весь кипишь! ... То, что у нас товар не идёт, так это всё временно! ... погоди, вот народ на Осенины наряжаться начнёт, так у нас весь текстиль и разберут, ... ты главное не спеши, дай срок, ... подожди чуток и всё наладится ... – попытался вразумить Игната он, но только ещё хуже сделал.

– Эх, Филимон, некогда мне тут ждать да гадать когда Осенины придут! ... Мне сейчас Скаврония обставить надо, прищучить его хитрована! ... Да я готов товар хоть за даром отдать, лишь бы Скаврония обойти, ... насолить ему крепко, горько сделать! ... Ведь он вишь, как ловко к делу подошёл, ... чаем моих клиентов угощать взялся, ... обхаживал их, говорил, будто я хуже его, ... мол, непутёвый я! ... Да он мне этим страшную обиду нанёс, ... и я ему её не прошу! ... Всех его покупателей переманю, и афронт ему нанесу! ... А ты, чтоб зазря тут не стоял лучше бы пошёл да кофею с баранками купил, ... притом такого ароматного, чтоб люди его дух за версту чуяли! ... Вот тогда я к себе всех заманю да сладким лакомством-то и прикормлю! ... – не на шутку разошёлся Игнат, но приказчик стоял на своём.

– Нет, ты погоди спешить-то, ... рано ещё кофею покупать, ... да и не нужен он вовсе, коли ты хочешь только Скавронию насолить! ... Зачем тебе цены снижать и кофею покупать, когда у тебя поважнее козырь есть, ... уж с ним-то ты точно Скавронию за пояс заткнёшь! ... – хитро прищурившись, отозвался Филимон и загадочно примолк, отчего Игната аж в пот бросило.

– Ну что замолчал!? ... говори, чего это за козырь такой! ... Я ныне на всё готов, лишь бы Скавронию отомстить! ... – мигом затребовал он.

– Ну, вот опять ты горячишься, ... а тут всё спокойно рассудить надо, ... вон давеча Пелагея к тебе заходила, да и навстречу тебе потом попала, ... а ведь это она неспроста здесь ходит, ... всё вокруг да около вьётся, ... влюбилась она в тебя, словно кошка! ... А потому она твой козырь и есть! ... И конечно замуж за тебя хочет, ... вон вишь, как мается, ... аж к тебе, к братову конкуренту, в лавку пришла, ... а ведь ранее такого не бывало, ... значит, настала пора и влюбилась она! ... Так вот ты через неё-то и сможешь её братцу насолить, ... возьми её в жёны да делай с ней что хочешь, отводи душу! ... Вон она как на Скавронию похожа, ... одно лицо, ... вот и измывайся над ней как над Скавронием, ... хочешь, лупи её, как сидорову козу, ... хочешь, брани её, на чём свет стоит! ... А как тебе надоест, так прогонишь её со двора, ... вот и отомстишь тогда, ... ведь они с братом невидимой нитью связаны, она будет мучиться, а значит, и он станет страдать ... – вполне даже по-философски рассудил приказчик и ехидно улыбнулся.

– Ну, ты и злодей Филимон, ... вот так коварный план ты придумал! ... Ну и мозг у тебя изворотливый, ... до такого даже я бы не догадался, ... отомстить обидчику через его сестру, как две капли на него похожую! ... Да это первостатейное вероломство, ... и ведь что интересно, вполне себе законное, ... с женой-то я, что хочу то и сотворю! ... И унижить могу, и поколотить, ... наказать, коль нерадива, иль артачиться будет! ... Уж я найду, чем ей неудобства доставить, ... а мне от этого и на душе легче будет! ... Наору на Пелагею, а вроде как на самого Скавронию голос поднял! ... Ох, и хорошо, ... да мне только от одной мысли об этом уже замечательно! ... Ну, ты и ловкач, Филимон, ... ну и придумал! ... – ощутив дикий прилив сил, от столь коварной идеи возликовал Игнат, и тут же принялся прорабатывать план, как всё осуществить. Разумеется, приказчик Филимон помог ему в этом. Вместе оно как-то веселей и сподручней. Так что ближе к полуночи заговорщики уже знали, как им поступать дальше. Разошлись поздно, но оба довольные и улыбчивые.

Утро следующего дня было прекрасным. Светило солнышко, на небе ни тучки, ни облачка. Только живи и радуйся. Вот и Пелагея, едва проснувшись, уже возрадовалась новому дню. Ах, бедняжка, она ещё не знала, что над её головой уже нависла тень коварного замысла её обожаемого Игнаши. И первой её мыслью было скорей увидеть его, пусть украдкой, откуда-нибудь издалека, но непременно увидеть своего строптивного касатика. Зайти к нему в лавку после вчерашнего конфуза она не решалась, но вот подкараулить его где-нибудь на улице ей очень хотелось.

А потому Пелагея быстро собралась и даже толком не позавтракав, отправилась фланировать по ярмарочной площади. Хотя надо заметить, что завтракать она очень любила, и более того делала это долго и с великим наслаждением. Обычно завтраком являлось продолжительное чаепитие с яичницей и пирогами растянутое почти до обеда, а там уже и супы в дело шли. Но не в этот раз. Ныне в ней билась любовь, а не аппетит, и желание наперво увидеть предмет своего обожания, затмило все её пищевые привычки. Кушать пироги с яичницей, не было времени, душа рвалась к любимому.

И вот тут Пелагею ждал удивительный сюрприз. Едва сделав пару шагов напротив лавки своего Игнаши, она вдруг ощутила, как её кто-то снизу дёргает за подол. Естественно она остановилась и оглянулась посмотреть кто там. А там стоял невысокого роста мальчуган в красной рубашонке с букетом алых роз и протянутой рукой, в которой была зажата роскошная цветастая открытка, какие обыкновенно посылают лишь при амурных делах.

– Это вам сударыня!... – кратко вскрикнул паренёк и расплылся в благостной улыбке.

– Мне!?!... но от кого!?!... ты ничего не напутал, мальчик!?!... – поспешно и немало изумившись, спросила Пелагея.

– Да вам!... так в открытке написано,... да вы сами прочитайте!... – также живо отозвался паренёк, сунул Пелагее в руки букет с открыткой и тут же куда-то умчался. Пелагея растерянно поднесла открытку к глазам и прочла её содержание.

– Всемиловнейше прошу вас, Пелагея Марковна, простить меня за моё вчерашнее грубое и неучливое поведение!... Примите в знак примирения этот скромный букет и приглашение зайти в моё торговое учреждение в любое удобное для вас время!... С уважением, ваш Игнат Скоробогат!... – от прочитанного у Пелагии сразу закружилась голова, и она чуть не потеряла рассудок. Не веря своим глазам, она ещё раз бегло прочла послание. Уж чему-чему, а грамоте, впрочем, как другим наукам она была обучена. А прочтя, вновь убедилась; да, действительно, перед ней извиняются и приглашают в гости помириться.

Еле-еле совладав с чувствами, Пелагея, выправила осанку, взяла себя в руки и демонстративно понюхала розы. Ах, этот бесподобный аромат, он просто-таки околдовал Пелагею, ведь ей ещё никогда и никто не дарил цветов. А здесь сразу розы, и притом такой дивный букет. В следующую секунду, Пелагея, так и не отнимая букет от лица, украдкой взглянула в окно Игнатовой лавки, и, конечно же, сходу обнаружила в нём самого хозяина.

Игнат широко улыбался своей белозубой улыбкой и изящно манил рукой, приглашая зайти к нему. Ну, кто же откажется от такого приглашения. Вот и Пелагея с замиранием сердца кивнула ему в ответ головой и потихоньку, не спеша, направилась к двери лавки. Но не успела она сделать и пары шагов, как дверь отворилась, и на пороге очутился сам Игнат.

– Милости прошу, Пелагея Марковна,... не обессудьте,... прошу-прошу... – учтиво поклоняясь, приглашал он войти. Ну, Пелагея и вошла. Она и слова не успела сказать, как Игнат продолжил распинаться перед ней.

– Вчерась я повёл себя как глупец и позволил грубо выразиться в ваш адрес, указывая на узость моих проходов меж прилавков,... дескать, они тесны для вашей фигуры,... и, мол, как только такая теснота прекратится, так вы можете пожаловать ко мне с вопросами о парижской моде!... В общем, неприятный разговор!... Ну а сегодня смотрите, проходы широкие,... мы специально раздвинули прилавки, чтоб они не мешали нам вести беседу,... всё для вас Пелагея

Марковна, лишь бы вам было комфортно!... И кстати, дабы нам легко говорилось и приятно общалось, мой приказчик заварил свежайшего кофею и купил самых наивкуснейших пирожных!... Так что пройдёмте к столу, и я с превеликим удовольствием расскажу вам обо всём, что вас интересует!... – вежливо и даже как-то подобострастно предложил Игнат, отчего у Пелагеи чуть ли глаза на лоб не полезли.

– Всё ли я правильно поняла, Игнат Карлович?... вы ради меня раздвинули ваши прилавки и кофею заварили?... нечто такое возможно!?!... Я прямо теряюсь в догадках,... уж не хотите ли вы заманить меня какую-нибудь ловушку и ещё больше обидеть?... в чём тут подвох?... я вся в смятенье!... – только и смогла произнести она.

– О нет, что вы Пелагея Марковна,... никаких ловушек!... никаких подвохов!... Я искренне раскаиваюсь в своих заблуждениях на ваш счёт,... ведь это ничего страшного, что вы слегка полноваты,... подумаешь, какой пустяк!... Зато, какие правильные у вас черты лица, ... я прямо-таки очарован ими!... А вчера вечером, увидев, как вы идёте ко мне навстречу, я испугался, что не смогу устоять и окончательно влюблюсь в вас, потому-то и сбежал!... А вы такая милая,... даже не кинулись за мной в погоню и не стали упрекать за мою грубость!... Хотя надо признаться, что и вы вчера слегка вспылили и придумали мне несколько нелестных эпитетов,... мол, я худосочный хмырь, стручок сушённый, и прочие,... но тут я сам виноват, вывел вас из себя,... уж простите!... – продолжая сыпать любезностями, подметил Игнат, и тут уж Пелагея дала волю чувствам.

– Ах, Игнаша, душа моя,... но ведь я не со зла на тебя кричала, а лишь любя!... И уж коли ты вчера выдержал мои выражения, так ну её к лешему эту излишнюю жеманность,... хватит уже ханжить-то да «выкаты»! ... Давай поговорим, как свои люди... – опять резко перейдя на простонародное «ты», расплылась в широкой улыбке Пелагея, и чуть прижалась бочком к Игнату, отчего тот, ощутив всю мощь её необъятного тела, поспешил согласиться с ней и тоже перешёл на «ты».

– О, это ты отлично придумала, Пелагеюшка,... к лешему жеманность, поговорим по-свойски!... А вот как раз и стульчики,... присаживайся, посидим, кофею попьём,... я тебе про Париж расскажу... – живо отозвался он, предвкушая, как сейчас начнёт неспешным и сладким рассказом, склонять Пелагею к неизбежному замужеству. Однако Пелагея, будучи девицей своенравной и нетерпеливой, рассудила всё в свойственной ей манере.

– Это конечно хорошо про Париж поговорить,... но только теперь он мне не очень-то и интересен,... ведь мы отныне люди свойские, и ещё успеем о нём покалякать!... А если захочешь, то и съездить в него,... уж мой братец расстарается, даст денег на поездку!... Ну а коли артачиться зачнёт, или вдруг средств пожалеет, так я из нашего с ним торгового дела и вовсе свою долю заберу,... ведь по документам половина лавки с товаром и усадьбы с капиталом моя!... Так что давай-ка для начала пойдём и по ярмарке прогуляемся,... хочу чтоб народ нас вместе увидел,... а кофею попить, мы всегда успеем... – в приподнятом настроении предложила она, и Игнат, после всего услышанного, не посмел ей отказать.

– Ах, вот оно как,... так ты наполовину хозяйка в доме у Скаврония,... ну это для меня новость!... Хотя на моё желание прогуляться с тобой, она никак не повлияет,... идём гулять, Пелагеюшка,... и пусть народ увидит нас вместе... – мигом согласился он, прекрасно понимая, что молва моментально донесёт до Скаврония весть об этой прогулке, и тот просто взбесится от такого сообщения. Чего в принципе Игнату и надо было, ведь тогда получится, что он сходу начал мстить за нанесённую ему обиду. И более того, прямо сейчас мог претендовать на вторую половину торгового дела, принадлежащую Пелагее. Отчего, теперь уже пришёл в изумление, стоявший всё это время в стороне, но слышавший весь разговор, приказчик Филимон. У него от такого расклада чуть челюсть не выпала.

– Эй, Филимон!... прежди-ка в себя!... чего рот-то раскрыл!?!... вон аж слюнки потекли!... Слышал, мы гулять пошли,... а ты за лавкой последи,... да покупателей кофеем угости... –

напоследок прикрикнул на него Игнаша, и они с Пелагеей мирно удалились. Филимон же ещё минут десять не мог прейти в себя, всё стоял да глазами хлопал, пока на запах кофея в лавку не зашли покупатели.

6

А тем временем на ярмарке начало твориться что-то несусветное. Народ, увидев, как первый красавец городка, Игнат Скоробогат, идёт под руку с тучной Пелагеей, сестрой своего конкурента, мигом забыл о всякой торговле и взялся судачить о столь выдающемся событии. Ведь такого отродясь не бывало, чтоб Пелагея с кем-то гуляла. И ладно бы она с Игнатом просто шла, а тут ещё и под ручку, а это уже многое значит, ведь так только жених с невестой могут ходить. В общем, можно сказать, что Игнат с Пелагеей, открыто, заявили о своей помолвке, или иначе говоря, о скорой свадьбе.

Всё шло прямо, как Игнаша запланировал, и даже намного быстрее, чем он рассчитывал. Да и люди уже повсюду понесли молву. Шепотки да экивоки захватили весь городок. Игнат с Пелагеей ещё и круга по ярмарке не сделали, а все уже только о них и говорили. Ну а более предприимчивые торговцы давай им прямо сходу товары для пиршества предлагать.

– Эй, Игнат, ... коли на пир-свадьбу будешь собирать, то закуску у меня бери!... Капусты квашенной, огурчиков солёных бочковых да грибочков маринованных с зеленью ты нигде лучше не найдёшь!... Так что пожалуй ко мне, я тебе скидку сделаю!... – сразу из-за прилавка закричал торговец овощами. Тут же и мясник присоединился к нему, и давай зазывать за колбасами да окороками. В общем, поднялся такой гвалт, что вопрос о свадьбе можно было считать уже делом решённым.

А Пелагея от такого гвалта аж вся раздумянулась, покраснелась, а как же иначе, ведь если люди о женитьбе судачат, то значит, так тому и быть. Одним словом всё вышло в точности, как в песне поётся, «нас людская молва повенчала, вот и весь разговор». Также и сейчас, и уже на попятную не пойдёшь. Впрочем, Игнат и не собирался, и даже наоборот; нос повыше задрал, и грудь вперёд выпятил, чтоб все видели, насколько он доволен. Ну а про Пелагею и говорить нечего, она глаз с него не сводит, сияет вся, плывёт за ним аки лебедь белая, только очень полная.

И ещё неизвестно, сколько бы они так по ярмарке фланировали, если бы весть об их женитьбе до Скаврания не дошла. Уж он как её услышал, так чуть от злости не задохнулся. Покраснел весь, пунцом налился, жилки на шее вздулись, глаза навывкат, затрясся весь как холодец на блюде, пыжиться, а заорать не может, злоба в горле комом встала. И его состояние вполне понятно, ведь сестра собралась выйти замуж за его конкурента-соперника, а вместе с ней может уйти и добрая половина торгового дела, потому как по закону жених должен затребовать за невесту приданое. Вот и лишился бы тогда Скаврорий своих купеческих барышей, да ещё и полдома в придачу.

Но вот здравый смысл возобладал и Скаврорий вновь спокойно задышал. Однако ненадолго. Тут же выругался крепко да как в дверь пнёт и наружу вырвался. Выскочил из лавки и смотрит, где там его сестра с Игнатом идёт. А они как раз круг по ярмарке завершили да к Игнатовой лавке подходили. Скаврорий, как их увидел, так сразу к ним бросился, и сходу в крик.

– Ты Пелагея обалдела что ли, за моего конкурента замуж собралась!?!... Да это ж позорище-то какое!... Срам на весь свет!... Как же ты, родного брата не спросив, на такой шаг решилась!?!... – сотрясая кулаками, зашумел Скаврорий. Но надо знать Пелагею, она такого тона от брата не терпела.

– А ну-ка умолкни!... Нам родители на равных торговое дело завещали, ... так что я со своей долей, что хочу, то и творю!... И не смей мне тут голос повышать!... Я ныне невеста, ... и замуж за Игната пойду, невзирая на все твои крики!... – сердито заявила она и даже ногой оземь топнула. Отчего Скаврорий весь лиловыми пятнами пошёл и опять в ор пустился.

– Да нечто ты не видишь, что Игнашка в жёны тебя берёт лишь для того, чтоб половину торгового дела себе прикарманить да мне досадить!?!... А без приданого ты-то ему не нужна,... да ты на себя-то посмотри!... Ведь такую грузную девицу никто просто так замуж не возьмёт,... ты же своей полнотой с двоих таких, как Игнашка будешь!... Вот и погоди, не спеши,... замуж не выходи!... проверь его сначала, глупая!... – вновь взялся отговаривать сестру Скавроний, ловко манипулируя грубыми и даже оскорбительными доводами. Отчего Пелагея, конечно же, вскипела пуще прежнего.

– Ах ты, братец ненаглядный!... да ты на себя посмотри, увалень старый!... В два моих объёма будешь, а ещё поучать собрался!... А может, я Игнату как раз своей полнотой-то и нравлюсь!... Или ты что же думаешь, если ты себе жены не нашёл, то и я в девках останусь!?!... Ну, уж нетушки, не будет этого!... – мигом подбоченясь парировала Пелагея, и было хотела ещё что-то добавить, но Игнат опередил её.

– Ну-ну,... хватит вам ругаться-то,... вы оба правы, и каждый по-своему!... И да, Пелагею я за её полноту приветил!... Ну и конечно весёлая она,... пошутить любит,... а я это в девицах ценю!... Но и тебя я понимаю Скавроний,... ведь я сам купец,... тебе же грозит потеря половины твоего торгового дела, за которое ты так болеешь!... Знаю, ты ради него на разные уловки и лишения идёшь,... бывает себе во многом отказываешь,... а тут я выискался,... раз, и половину всего забрать намерился!... Разумеется, ты в ярости от этого,... но только зря!... Я отрекаюсь от приданого Пелагеи,... пусть всё останется как сейчас!... А жить мы с ней будем у меня,... мой дом большой, места всем хватит!... А ты как вёл свои дела, так и веди дальше,... и спору вашему конец!... Давайте-ка лучше о свадьбе поговорим... – не без хитрого умысла отказался от приданого Игнат, и ловко перевёл разговор на другую тему. Тут уж Пелагея возрадовалась, а Скавроний вновь слово взял.

– Ну, если так, как ты говоришь, то и злиться мне нечего!... Коли всё на своих местах остается, и ты половину не берёшь, то я благословляю вас, и все расходы по свадьбе на себя возлагаю!... Уж на это я не поскоплюсь, ведь единственную сестру замуж выдаю!... – затрепетал от слов Игната Скавроний, и даже разулыбался, ведь всё при нём остаётся. Игнат хотел было предложить свадебные расходы на двоих поделить, но Скавроний не унимался и настоял на своём.

Впрочем, и тут Игнат особо и не противился, потребовал лишь, чтоб свадьба состоялась как можно скорее. Уж так ему не терпелось вступить в права мужа и начать властвовать над Пелагеей. А она, простая душа, как увидела, что Игнат со Скавронием сладились, так сейчас только о свадьбе, да о платье невесты и думала. Моментально объявились её подружки, и они все вместе понеслись по ярмарке наряды примерять. Игнат же, пожелав удачи, теперь уже вполне законной своей невесте, откланялся и подался к себе в лавку. Ну а Скавроний, как и обещал, тут же взялся о свадьбе хлопотать.

Так в одно мгновение решилась судьба лишь ещё вчера задуманного плана Игната и его приказчика Филимона. Кстати, Филимон, как только на улице начался спор Пелагеи с её братом, вышел на крыльцо и всё прекрасно слышал. Иначе говоря, он стал свидетелем перебранки, и теперь уже у него появились вопросы к Игнату, которые он не замедлил задать.

– Да что же такое с тобой твориться, Игнаша!?!... Отчего от богатства отказался!?!... Ведь такое приданое грех не взять!... да оно само к тебе в руки плыло!... – едва Игнат зашёл в лавку напустился он на него.

– Эх ты, Филимоша,... а ещё смел меня в горячности и жадности упрекать,... мол, я всё тороплюсь нажиться, да поскорей обогатиться!... А вот и нет,... мне теперь моральное отмщение важнее!... К чёрту приданое,... и даром не надо,... зато посмотри, как Скавроний старается, сам мне сестру в рабство отдаёт!... Ха-ха, даже расходы на себя берёт!... А у меня от этого на душе аж оркестр заиграл, и такое удовлетворение от его унижения, что никакими деньгами не измерить!... Так что Филимон, открывай-ка ты значенную бутылочку «Шустов-

ского» коньячка, ... нынче будем первую мою победу на Скавронию праздновать!... – удобно расположившись на гостевом диванчике, торжественно и удовлетворённо объявил Игнаша.

После чего у Филимона больше уже никаких вопросов не возникло, и он яро кинулся выполнять просьбу хозяина. Достал бутылочку коньяка нарезал лимончика, и новоявленные заговорщики стали отмечать свой удачный почин. Вскоре подоспела обеденная пора и они, закрыв лавку на перерыв, перекачивали в соседний трактир, где Игнаша не скупясь, взялся угощать сладкой наливкой всякого гостя поздравлявшего его с помолвкой. А таковых гостей набралось немало. Люди шли с ярмарки и всё поздравляли, и поздравляли его. Ну а ближе к вечеру в трактир наведалься и сама невеста. Принесла на показ разные обновы. Игнат все их одобрил и расхвалил, отчего подружки невесты пришли в неописуемый восторг.

Затем в трактир пожаловал и Скавроний собственной персоной. Он привёл попа из главного городского собора, и тот, после рюмки коньяка, клятвенно заверил, что готов хоть завтра обвенчать молодых. Однако торопиться не стали и назначили свадьбу на следующую субботу, как раз Скавроний успевал всё устроить; и продуктов закупить, и гостей пригласить, да и столы накрыть. Иначе говоря, как наметили, так свадьбу и провели. Гуляли два дня к ряду. Много пили, шутили, хвалебные тосты за молодых говорили, и конечно подарки им дарили. В общем, справили свадьбу хорошо, с купеческим размахом. А на третий день всё затихло, люди вновь взялись за свои дела, как говориться «делу время, потехе – час».

7

Игнат после всех гуляний и празднований тоже к делам вернулся. И по-прежнему вместе с Филимоном в лавке за прилавком встал. Покупателей встречает, улыбается им, привечает, товар отпускает, и снова заходить призывает. Всё обыденно, привычно, никаких выдающихся перемен, словно и не было никакой женитьбы. Но всё это длилось ровно до той минуты, пока в лавку не заглянула Пелагея. Она от скучного сидения дома вдруг решила прогуляться да сдобных пряников себе купить. Ну и вполне естественно заглянула в лавку к своему законному мужу. Тут-то всё и началось. Игнат показал свой характер во всей красе.

– Ты что это пришла!?!... отчего тебе дома не сидится!?!... – едва Пелагей переступила порог, слегка грубовато встретил он её.

– Ой, да ты что это, Игнашенька!?!... скучно мне одной-то дома стало, вот я и решила пряников купить да тебя навестить... – немного растерянно отозвалась Пелагея.

– Какие ещё к лешему пряники!?!... А ну марш домой!... Нечего замужней девушке по ярмарке среди прилавков шастать!... – уже более сердито прикрикнул на неё Игнат.

– Да как же так-то, касатик ты мой!?!... Да ты посмотри, вон, сколько замужних женщин за товаром на ярмарку пришло, ... все ходят и ничего!... – показывая в окно, оторопело воскликнула Пелагея, на что мигом получила ответ.

– А ты не все!... и нечего себя с другими ровнять!... Да мне плевать на тех замужних дам и их нужды!... Моя жена не будет по ярмарке шататься!... Я твой законный супруг и требую от тебя немедленного подчинения!... А ну марш домой, я сказал!... Да к моему приходу полы подмети, и ужин свари!... да чтоб своими руками, а не кухаркиными!... не то домой приду, не помилую, ... враз розгами высеку!... – всё также сердито вскричал Игнат, и теперь уже он, как о пол топнет сапогом с подковкой. Аж стёкла в окне задребезжали.

А Пелагея от такого топота на месте подпрыгнула, вмиг развернулась и ни слова не говоря домой понеслась. Бежит, торопится. Пыхтит, словно стадо коров. А все кто ей навстречу попадают, от соприкосновения с ней наземь валятся. Она их попросту с ног сшибает и на ходу под себя подминает. Ей-то до них и дела нет, ей лишь бы скорей наказ мужа выполнить. Примчалась домой и сразу за веник, давай полы мести. А то, как же, ведь не просто муж, а любимый супруг приказал, а его слово закон. Метёт да всё приговаривает.

– Раз уж он меня в ярмарочные ряды не пускает, значит, ревнует, ... не хочет, чтоб ещё кто-нибудь меня видел!... Вон как себя мужем-то показал!... Да я для него не то, что полы

подмету, да я весь двор языком вылижу, лишь бы он меня так сильно и дальше любил!... Ах, мой Игнатушка, касатик мой, ... всё для тебя, ... я и ужин приготовлю, и постель постелю, ... ты только люби меня. ... – старается Пелагея, пылинку к пылинке метёт, наивно полагая, что Игнат влюблён в неё до беспамятства. Хотя на самом деле едва Пелагея за дверь лавки выскочила, как Игнаша с Филимоном просто-таки взорвались от смеха. Хохотали час с лишним, чуть животы себе не надорвали, прохиндеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.